

Беседа за рабочим столом

Алексей ДУДАРЕВ:

ГЛАЗАМИ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Первая книга прозы молодого белорусского автора Алексея Дударева «Святая птица» (в Москве — 1981 год, а в Белоруссии она вышла в 1979 году) давала основание думать, что появился новый многообещающий прозаик (не случайно на нее откликнулись чуть не все печатные органы). Но Дударев вскоре предстал как драматург. За четыре года его пьесы «Выбор», «Порог», «Вечер», «Рядовые» прижились на многих сценах страны. Только что отметили сотую постановку «Порога» в Белорусском государственном академическом театре имени Янки Купалы. За создание пьес «Порог», «Вечер», «Рядовые» автору присужден специальный приз фестиваля «Прибалтийская театральная весна», а также приз за сценарий к фильму «Белые росы». А. Дударев — лауреат премии Ленинского комсомола и комсомола Белоруссии. А одна из его пьес, «Рядовые», выдвинута в этом году на рассмотрение Государственной премии СССР.

— В последнее время о вас больше говорят как о драматурге. Означает ли это, что прозу вы больше не пишете?

— Когда занимаешься драматургией, то ни на что другое времени не хватает. Это очень подвижный, живой вид искусства. Моя любовь к монодраме в какой-то степени обусловлена тем, что я актер, закончил Белорусский театрально-художественный институт. Нужно писать то, что пишется, что свободно идет из твоей души. Если бы стихи писались — писал бы их.

Лично я установил для себя иерархию видов литературы — поэзия, проза, театральная драма, а потом уже все остальное. Хотя если говорить о театральной драме, то, на мой взгляд, это наиболее сложный жанр. Она сочетает одновременно и прозу, и поэзию. Настоящая пьеса — это полнокровный роман, сжатый до 70 страниц. А как это делается — не знаю. События, о которых рассказывается в драме, иногда исчисляются несколькими часами, и за это время нужно суметь раскрыть характеры, показать начало и завершение человеческих судеб. О своих героях автору нужно знать все и чувствовать их судьбу. Даже самые великие драматурги утверждали, что каждая пьеса рождается мучительно долго.

Хотелось бы создать героев, которые, как сказал Достоевский о Дон Кихоте, оправдали бы че-

ловечество, явились бы воплощением высших гуманистических идеалов.

— Каждый художник лучше, чем кто-либо другой (критик, историк, коллега), знает о путях развития собственного творчества. Что нового вам хотелось бы сказать в ваших произведениях?

— Постараюсь ответить на этот вопрос так же общо, как он и задан. Я не думаю, что драматург в каждой пьесе открывает что-то новое.

— Тогда зачем же писать?

— Наверное, для того, чтобы сказать об известном, старом по-своему. Я не боюсь так называемых «старых тем и сюжетов», главное — сказать по-своему. Вы увидели что-нибудь новое в моей пьесе «Рядовые»? На мой взгляд, я сказал в ней о войне с точки зрения своего поколения, так, как мы видим и представляем себе войну, — это и есть новое... Так вот, в моей пьесе «Рядовые» есть самое главное — это то, что на войну я смотрел глазами своего поколения, которое в самой сути своей против войны. И никакими силами неистребима в нас вера в мир и добро. Плав А. Адамович, который писал: «Кому, как не нашей литературе... стать планетарным голосом в защиту права на жизнь всех нынешних и всех будущих поколений, самого рода человеческого? Во всей его многоликости и неоднородности».

— Почему вам захотелось написать именно о последних днях войны? Кроме того, о войне вы знаете только понаслышке, с какими трудностями вы столкнулись в процессе работы?

— Удивительно писалась эта пьеса. Действительно, я знаю войну только по рассказам отца и односельчан, а казалось, что это я прошел от Волги до Одера, что это я терял боевых друзей, что это меня убили за пять минут до Победы. И очень хотелось, чтобы эти чувства пере-

жили все люди в зрительном зале. Чтобы они поняли: против войны надо бороться всем — поступком, делом, сердцем и памятью. И именно об этом пишут в своих произведениях В. Быков и А. Адамович. Своими произведениями и публицистикой они в какой-то мере проложили дорогу моему литературному поколению.

Я благоговею перед фронтовиками, но смотрю на войну уже совсем иными глазами. Война откладывает неизгладимый отпечаток в душе человека. Речь в «Рядовых» идет о том, что если человек был в атаке, стрелял, колот, — он вышел из боя уже совсем другим. Все мои герои изнутри обожжены войной. А когда человек изнутри обожжен на 75 процентов — он умирает. Сколько им сил понадобилось, чтобы не просто обрести утраченное внутреннее равновесие, но и остаться Человеком с большой буквы. Уверены же мы почему-то, что в фильме «Иди и смотри» главный герой Флёр не выстрелит в мальчика. Хотя этот мальчик и будущий Гитлер.

Какие были трудности? Скорее всего, страх, который поначалу сковывал. Ведь рядом живут люди, все это пережившие. И любая неточность, как психологического, так и бытового порядка, воспримется ими как оскорбление. Конечно, трудно совсем избежать неточностей. Скорее, невозможно. Так, мне, например, написали о том, что в конце войны все прикуривали от зажигалок, а мои герои пользуются спичками. Но так ли это важно? Конечно, на первый взгляд, может показаться, что существуют разного рода несоответствия. Но для произведения искусства важна прежде всего правда художественная. Правда бытовая должна сосуществовать с ней параллельно, но соприкасаться им не обязательно. Это разные вещи.

— Только что в Москве закончился XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, участником которого были и вы. Выступая на одном из митингов, вы в частности, сказали о том, что многие из погибших 20 миллионов были не старше нынешней молодежи и что вас волнует, какими они были с чем шли в бой, что завещали нам в последний миг жизни... Из чего вы исходите в поиске той или иной нравственной проблемы?

Всегда ли необходимо ставить героя в экстремальную ситуацию?

— Человек в любой ситуации обязан оставаться человеком. В любой. Все вроде бы знают, что нельзя предавать своих друзей, Родину, но никто не знает, как он поведет себя в той или иной экстремальной ситуации. В белорусской прозе о человеке в таких ситуациях с удивительной силой и пронзительностью впервые заговорил Василий Быков. Не всем судьба подбрасывает в жизни такие ситуации. Если бы не был поставлен Рыбак перед высотой такого нравственного выбора, он бы, наверно, и провозвал всю войну. Да и в военном быту был бойцом, пожалуй, лучше, чем Сотников. Но в том-то все и дело, что война, как лакмусовая бумажка, точно выявляет явления. Что же касается мирного времени, то только на первый взгляд кажется, что все сглажено. На самом деле перед человеком также все время возникают проблемы нравственного выбора. И мой поиск как писателя и человека идет именно в этом направлении.

— Сейчас, как никогда, человек осознал себя как частицу мироздания, расширил горизонты представлений о своем собственном «я». Наши писатели последовательно исследуют в своем творчестве связь человека с землей. Вот и многие ваши герои — «вечные хлеборобы» для которых нравственное отношение к земле является основным критерием жизни. Всегда ли современная литература, на ваш взгляд, соответствует устремлениям и поиску человека 80-х годов?

— В искусстве человек должен черпать ответы на все волнующие его вопросы. Но очень часто мы ждем сиюминутного результата, хотя все намного сложнее. А ведь искусство в идеале должно заменить человеку религию, то есть оно должно не только его воспитывать, но и рождать в нем веру в могущественные силы человека, в его неограниченные возможности и доброту. Во всех ли произведениях современной литературы человек находит ответы на то, что его волнует? Далеко не всегда. И прежде всего потому, что проблемы, о которых говорится в произведениях, стоят где-то вне человека. А нужно начинать с него самого.

Очень трудно до конца понять, каков же он, человек 80-х годов? И в стремлении его понять

- Памяти павших
- Деревня в эпоху НТР
- Почему надо перечитывать классиков...

надо идти до конца. Я против так называемой «магнитофонной» литературы, когда «записывается» все подряд. Нельзя показывать человека только в негативном виде. Показывая все, хотелось бы высвечивать лучшие стороны человеческой натуры.

— А стоит ли так однозначно подходить к искусству? Ведь некоторые писатели, показывая негативную сторону человеческой натуры, как бы гонимы: вот таким человеком не должен быть. Раскрывая изнанку человеческой души, они хотят, чтобы человек содрогнулся...

— Но мне все-таки больше импонирует искусство, которое помогает человеку обнаружить в себе лучшие стороны. Не думаю, что в связи со всеми новациями в обществе появится какая-то особая литература. Просто она должна будет по-новому относиться и отображать те или иные явления жизни. Как я уже говорил, в любой литературе меня интересует прежде всего человек. Что же касается узкоспециализированных вещей, то они должны принадлежать специалистам. Сейчас, как никогда, в поисках разрешения важнейших социально-экономических и общечеловеческих проблем для художника важно пристально всматриваться в человека. Потому что нельзя отделять человека от научно-технического прогресса. Как бы кто не отмахивался от него, ничего не выйдет. Такова диалектика жизни.

— Сразу же после выхода книги «Святая птица» наши земляки — критики заговорили о вас как о «белорусском Шукшине», имея в виду прежде всего, что своеобразие ваши герои были в родни шукшинским «чудикам». В чем для вас их притягательная сила?

— Все почему-то считают, что слово «чудики» как определение для своих героев ввел В. Шукшин. У него действительно есть рассказ «Чудик», в котором жена так прозвала главного героя. Но сам Василий Макарович никогда так своих героев не называл. Шукшин — большой художник, он не позволял себе относиться к своим героям просто как к «чудикам».

Почему же они так притягательны для нас? Что они такого особенного сделали? Все дело в том, что они делают то, что другие себе позволить не могут: идут напрямик, органически не могут лгать и лицемерить. Мы можем, а они не могут. Они честны до чудачеств в нашем понимании. И мы, глядя на них, умиляемся: чудики, блаженные. А ведь такими могли быть и мы? Так не чудики ли мы в таком случае?

— На долю далеко не каждого литератора выпало «испытание славой». В последнее время трудно найти журнал или газету, в которых бы не говорилось о ваших пьесах. Как вы относитесь к своему успеху или, может, вам просто повезло?

— В искусстве, как и в жизни, везение нельзя отрицать. И это касается буквально всех людей. Боюсь быть банальным, но для меня главное — это труд. Если я работаю, то я уж только работаю. Для меня тогда ничего не существует. Если я скажу, что популярность мне претит, то покривлю душой. Популярность, слава являются как бы неотъемлемой частью жизни художника. С другой же стороны, слава никому ничего хорошего не приносит. Жизнь все делает для того, чтобы художник сделал как можно меньше.

Вначале много времени уходит на то, чтобы «пробиться», чтобы тебя просто заметили и признали. Наконец этот этап наступил. Тебя будут хлопать по плечу и говорить: «Молодец!» Но вскоре начнут искать в твоём творчестве такие моменты, в которых ты не так смотришь на мир, не следуешь традициям, что-то постоянно нарушаешь. Первое можно назвать огнем, второе — водой. Но и это не самое страшное. Начинаются медные трубы. Сейчас уже все огрехи, которые ты допускал, становятся твоими достоинствами. И далеко не объективно. Появляются хвалебные рецензии. Созданный авторитет начинает огораживать тебя от объективных стрел. Начинают брать интервью, приглашать на различные симпозиумы, семинары, встречи с коллегами, фестивали и т. д. И вот это пережить очень сложно. Это самое последнее испытание. Оно отнимает самое дорогое — время. Вроде все это надо, но одновременно — безумно мешает. Те проблемы, которые решаешь в творчестве, приходится постоянно выбалтывать, высказывать. Писатель никогда полнее не высказывается, чем в творчестве.

И если наступает такой момент, когда ты думаешь о себе как о победителе, — начинаешь планировать вниз. Чем спастись? Лично я следую совету Никиты Михалкова, который однажды сказал: «Если слишком хорошо о себе подумаешь, достань томик любимого классика и читай. Если и это не помогает, то бери и перепиши, хотя бы одну страничку. Это должно помочь». Переписывать Чехова еще не переписывал, но читаю его сейчас очень часто.

Интервью вел
Галина ГРИБОВСКАЯ